

КАЧАЛКА

Леонид

Овтин

16+

Леонид Овтин

Качалка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57356056

SelfPub; 2020

Аннотация

Бодибилдинг – это качалка... Но это только внешне. Качалка, у которой и внешняя, и внутренняя политика, и много перспектив... С этими перспективами сталкиваются многие, но не многие ими пользуются... И потому не знают "политическую" изнанку тренажерных залов и их завсегдатаев.

Герои "Качалки" – простые смертные и элитные атлеты. Все они достигают своих целей. Только все – по-разному. И все ощущают себя по-разному – столкнувшись с "темными" сторонами и политикой "качалки".

Леонид Овтин

Качалка

Часть 1

1

– Слышь, Тема, а если Аскольду поляну накрыть, он меня реально накачает?

– Накачает, – с удрученной ухмылкой ответил Тема. – Главное – накрыть ему поляну!

Вовчик нервно отпустил ручку двери "Клубика Рубика", вытянулся, сжав челюсти.

– Я те сказал, есть у меня лавэ! Есть!

– Да верю. Верю! Есть у тебя лавэ. Лавэ – это ведь не бабайка. Оно существует. У кого-то меньше, у кого-то больше. Не в лавэ дело, Вованчик... Входи, чего на улице базарить.

Войдя в заведение, два тинэйджера подошли к барной стойке. Заказали по коктейлю и мороженому.

– Не пришел еще. – Заключение Артем, побегав глазами по клубу. – Ну, сейчас придет. Он каждую пятницу здесь, к одиннадцати, плюс-минус.

Аскольд пришел после полуночи. Вованчик и Тема, уже слегка захмелевшие к тому времени, говорили о новом сит-

коме. Но как увидели Аскольда, идущего под ручку с разма-
леванной девицей, сразу замолкли. Долго смотрели на боди-
билдера.

– Надо же, в пальто разрешили зайти... – усмехнулся Во-
ван. – Нам бы хрен позволили.

– Конечно. Мы ведь не пешки Гуманоида. Знаешь Гума-
ноида?.. Не знаешь. Это...

– Тихо! – Вован положил руку на плечо друга, тревожно
показал глазами на Аскольда.

Атлет что-то доказывал подошедшему к нему человеку в
цветном костюме. Человек упорно не соглашался с Асколь-
дом, даже легонько толкнул его девушку.

Девушка смерила хама презрительно-снисходительным
взглядом. Сказала Аскольду: – Асик, объясни ему нормаль-
но. Он только так понимает.

– Уваливай отседова со своей шалавой! – не унимался де-
лач в цветном костюме.

Атлет сжал кулак, но не позволил ему двинуться в челюсть
обидчика. Изобразив на скуластом лице нечто среднее меж-
ду чувством омерзения и веселости, мягко выдавил: – Нет,
она не шалава, это ты уже не так видишь...

– Чё!?

– Ничё. Прости если че не так... Просто, давай, не надо
ругаться, а...

– Я знаю, ты лизун и мямло!

– Я?.. – Как можно мягче процедил Аскольд, нервно сжи-

мая челюсти. – Нет, это я здесь такой... А за клубиком я другой. Не веришь? Проверь!

– А че мне выходить за клубик. Я здесь проверю, – с размаху "цветной костюм" ударил кулаком в грудь атлета. Рука отскочила как от жесткой резины. Аскольд снял пальто. Дела ч сразу изменился в лице. Он ожидал увидеть заплывшего толстяка, а перед ним предстал реальный Геракл. С широченными плечами, бицепсами под шестьдесят сантиметров и ногами, похожими на бычьи, если не считать икр, немного уступающих размерами бедрам.

– А че ты пальтицо снял?

– Чтоб тебе удобнее бить было... – Бодибилдер саркастически ухмыльнулся. – Я ведь такой – лизун...

Тихий хохот сидящих за столиками вокруг немного отрезвил алкаша. Он быстро сменил растерянную гримасу на глупую усмешку.

– Ну че, давай фанеру проверю...

Кто-то со смехом крикнул: "Аскольд, сильно его не трогай". Это напрягло человека в цветном костюме.

– Давай... Нет, стойка у тебя некая растерянная. Стань в боксерскую стойку – чтобы бить нормально. – Аскольд помог делачу принять подобающую позу для драки. Сам отошел на два шага, выпятил грудь: – Вот, теперь – бей, давай...

– Да ланна, – "цветной костюм" с улыбкой меланхолика махнул руками, отвернулся. Тут же резко развернулся, саданул кулаком бодибилдеру в живот.

В этот раз удар был хороший. Но Аскольд почти не шелохнулся. Казалось, кулак хама въехал в некую мягкую резину, специально спрятанную под джемпером качка.

– Это реально, пресс? – "цветной", не скрывая глубококого удивления, малохольно улыбался, в глазах его светилась невесть откуда взявшаяся трезвость и душевность.

– Реально, пресс. Но я и помахаться могу... Если хош!..

– Помахаться – это предложение. – Недолго подумав, ответил делач.

Смешки и шепотки утихли. Посетители смотрели на атлета и делача серьезно: последний на глазах превращался из негодяя в настоящего джентльмена. Обняв бодибилдера, подвел его к столику. Подозвав официанта, сделал заказ. Почтительно попросил Аскольда сесть за стол. Сам сел напротив него.

– Во-первых, давай для начала помиримся... – "Цветной" подвинул стакан с виски качку. Разбавив виски апельсиновым соком, поднял свой стакан. – Так я говорю?

– Вообще-то, я и не ссорился. Ну, давай помиримся, если хош. – Аскольд с теплой улыбкой чокнулся с новоиспеченным товарищем.

Пригубив виски с соком, человек в цветном костюме галантно представился: – Я – Валерий Сорокин. Меж делом – Валерон.

– Я – Аскольд Кононов. Меж делом – Аскольдеон... Шу-чу. Ха-ха.

– Махаться, говоришь, умеешь? Как Брюс Ли?

– Нет, как Брюс – не умею. Но вообще, могу помять при надобности.

– Нет, Аскольд, давай сурьезно. Я ведь всю кашу заварил – чтобы поглядеть на твою боевую координацию.

"Вряд ли" – едва не вырвалось у Аскольда. Если бы я ему показал хоть немного свою боевую координацию, у него были бы как минимум средние телесные повреждения. И он не настолько глуп, чтобы этого не понимать.

Аскольд считал так, поскольку Валерон имел среднее телосложение, да и маневренность его ударов и расхлябанность в моменты, когда нужно было быть собранным и решительным, выдавала в нем человека без особых бойцовских способностей.

– "Гераклион" знаешь?

– Знаю. Часто туда захоживаю.

– В качестве зрителя?

– Да. В качестве участника не могу – сам участник, только в "Паддинге".

– Ты – профи-билдер? – скорее не спросил, а заключил Сорокин. – Угу. Значит, твои дела – танцевать, мускулики показывать...

– Да. – Не сразу ответил культурист. Было заметно, как его внутренне передернуло. Чтобы не выдать желания морально подавить собеседника, Аскольд отхлебнул виски. Как можно мягче добавил: – Только так танцевать, чтобы выиграть тан-

цульки. Не у всех это всегда получается.

– Ну, это понятно, – Валерий одобряюще закивал. – Это я так все называю. Все, акрамя бойцовских соревнований. Для меня – позирование, тягание железа, гимнастика – все танцульки. Ты уж прости, Аскольд, за жаргончик.

– Все норм, – Аскольд усмехнулся одними губами. Глаза его устало и с некоторым пренебрежением сверлили заискивающе улыбающегося делача. – У меня тоже жаргончик бывает.

– Понятно, в общем, Аскольдик. Ты, значит, постоянно в режиме – тренинг, протик, отдых, сауна, и снова тренинг, и все сызнава. И бои тебе только помехуют. Правильно кумекаю?

– Правильно. Но если дело стоит овчинки, могу режим нарушить.

– Вот ожидал от тебя это услышать. Мне такие билдики нужны для выступлений. Ну, не просто билдики, а чтобы махнуть хорошенько могли. И если руками и ногами – получать будут как положено, хоть и выигрывать ничего не будут. Ты хочешь помимо своего железного пресса вот такой пресс иметь? – Валерон пересчитал невидимую пачку денег перед лицом Аскольда. – Хочешь?

– Вообще-то, уже имею. И пресс, и пресс "зелененьких", и фазендочку. Но, денежный пресс лишним не бывает.

Войдя в тренажерный зал, Саньч неприятно напрягся. Кружка с кофе в его руке дрогнула. Причиной тому был атлет, выполняющий присед с тяжелой штангой. Точнее, даже не сам атлет и тяжеленная штанга, а тот факт, что тяжелой она стала довольно быстро.

Не прошло и года, как Кирилл Охтин пришел в "Аполлон". На первой тренировке приседаний уверенно выполнил пять повторений со штангой весом пятьдесят килограмм. У него была анатомия приседальника – короткие ноги, приземистость. Но присед почему-то шел у Кирилла плохо. За два месяца он приблизился к восьмидесяти килограммам, при этом слегка нарушив и без того не филигранную технику. А вот теперь, спустя без малого десять месяцев, дошел до двухсот... Нет, даже более. Тренер пригляделся к блинам на грифе. Быстро посчитал в уме. Да уж, нормалек! Двести двенадцать килограммов!

Василию Александровичу не нравилось, когда атлеты без особой надобности начинают "химические" курсы. А этот атлет, судя по его фигуре и весу на штанге, подсел и на анаболики, и на жиросжигатели. От лишнего веса Кирилла не осталось практически ничего, только небольшое утолщение в области талии, небольшой жирок внизу грудных мышц и пухлые щеки. Все части тела у него догнали прежние размеры, но уже за счет сухой мышечной массы. То есть, если по приходу в "Аполлон" Охтин имел бицепсы под пятьдесят сантиметров, которые отталкивали своей неэстетичностью,

то теперь они, наоборот, вызывали зависть, поскольку были красивой формы, сепарированы, и при почти тех же пятидесяти сантиметрах.

– Сколько повторений бомбанул?

– Пять! – Атлет с победной улыбкой поднял руку с растопыренными пальцами.

– Здоровый бык. А как вообще работаешь?

– Так и работаю. – Кирилл, не переставая улыбаться, шумно дышал, ожидая от тренера дальнейших ободряющих комплиментов. – Каждый раз – как последний.

– Хм... – тренер задумчиво отхлебнул кофе. – Каждый раз – по пять, чтоль?

– Ну, бывает и по три, а бывает и по восемь.

– Но каждый раз – до упора, в общем?

– Агась, товарищ тренер. Каждый раз – как в последний... Что? Не так чего работаю?

– Не стоило бы, Кирилл Леонидович, – с нежной улыбкой тренер потрепал опечаленного атлета по плечу. – Чтобы последним разом не стал очередной раз – не надо каждый раз до упора. Шажки назад надо делать. С ними будет прогресс. Обязательно. И здоровьице сохранишь. Тебе ведь годков уже под сорокет.

– Ну да.

– Ну вот, надо уже серьезнее попечья о здоровьице.

– Ну а счас че делать? Мне Мишутка задал на сегодня – вот, пять до упора. Потом скинуть десятку – и опять до

упора...

– Погоди-погоди... Кто с тобой работал, пока меня не было?

– Он самый.

– Мишка Манцуров? – Саныч недоумевал, почему Охтин так доволен своим наставником по бодибилдингу.

– Да. Думаешь, не правильно работал? Саныч, погляди на меня, – Кирилл продемонстрировал тренеру бицепсы, затем повернулся спиной, напряг широчайшие. Кивнул на стойку с тяжелой штангой: – И вон туды глянь... И здоровьице у меня что надо... Нет, я серьезно. Спроси у всех бабеток города.

– Это, конечно, здорово – что здоровьице крепкое, – сухо заключил тренер, допивая кофе. – Надеюсь, хоть в делах интимных Мишка-фишка с тобой не работает?

Кирилл хохотнул. Отошел от штанги, с которой собрался выполнить очередной подход.

– Нет. Здесь я бы сам ему помог.

– Хоть это ладно. Ну, будем работать?

– Будем, – атлет шумно выдохнул, двинулся к штанге.

– Нет, погоди... Кирилл Леонидыч, приседов на сегодня хватит!

3

– Я те говорю, Ванек, это бройлерная, – Яков, переодевая штаны, оглядывался на дверь – чтобы случайно не зашел кто

из посетителей спортзала и не услышал его нелестное мнение. – Вообще, каждая более-менее элитная качалка – бройлерная, потому что выращивает цыплят-бройлеров.

– Ну, не знаю, не знаю, – Ванек опустил руку с дезодорантом, которым собирался пшыкнуть подмышками. – Я лично сюда ради иммунитета хожу. А эти бройлеры – пусть качают мясо. Один хрен оно у них растет.

На самом деле Иван думал по-другому. Он считал всех элитных бодибилдеров своего рода бизнесменами, которые, вместо товара, торгуют своим телом.

Себя с Яковом он считал негодными для серьезного атлетизма. Во-первых, лет уже под пятьдесят, во-вторых, худосочные и практически без мышц. Такие если и растут от штанги, то очень медленно и вырастают максимум размера на два, – это Иван знал от Саныча.

Слава богу, хоть один грамотный тренер честно и внятно разъяснил им, почему не стоит серьезно браться за "железо". Только непонятно, почему этот честный и простой Саныч работает с профи – ведь там нужен не столько опыт, сколько "химия". А с анаболиками растут все, даже такие как Яков и Иван.

Размышления Ивана прервал Вован. Войдя в гардероб, паренек бросил сумку на скамейку, рядом с сидевшим на ней Яковом, не глядя протянул руку Ивану. Делая вид, что не замечает парня, Ванек поправил шнуровку на кроссовках.

Очень хотелось сделать парню замечание, но вроде как

нельзя – потому что он уже вроде как элитный. Такой же безуспешный качок, но будущий профи – потому что на прошлой тренировке скорешился с элитным атлетом и начал брать у него консультации по тренингу. Ясное дело, что вскоре он начнет брать у него консультации по приему анаболиков, и, спустя годик-другой, будет таким же цыпленком-бройлером.

Яков, также неприемля легкого пренебрежения парня, не подал ему руки. Но сделал это дерзко – посмотрел на парня как бы непонимающе, потом указал пальцем на приоткрытую форточку: – Окошечко открытое те не мешает? Не май-месяц все-таки...

– Ну да, есть риск грипповируснуться, – Вован, не совсем понимая нагловатый тон мужчины, рассеянно усмехнулся. Закрыв окно.

"Почему они так брезгают моим обществом? – подумал тинэйджер, присаживаясь на скамеечку и с потаенным недовольством глядя на поспешно выходящих Ивана и Якова. – Неужель потому, что я треню с Аскольдом? Им разве это надо? Неужели такая зависть к подопечным самого видного качка города? Или, может, считает, что я пренебрегаю ими – потому что они работяги?"

Войдя в зал, Яков и Иван вскочили на "дорожки", неспешно начали бег. Увидев, как в двери появился Аскольд, Яков, будто зачарованный, замедлил бег и смотрел в упор на качка,

пока тот не поприветствовал его привычным кивком с улыбкой. Иван щелкнул друга по плечу, полушутя-полусерьезно обозвал фанатиком.

– Иди ты, – беззлобно буркнул Яков, ускоряя бег. – Я просто гляжу, он уже реально прожаренный.

– Ага, реально шашлык. Бройлерный шашлык.

Яков снова замедлил бег, собирался сказать что-то товарищу, но, заметив в дверях другого громадного атлета, передумал. Атлет отличался от Аскольда азиатскими чертами лица и был чуть пониже ростом.

Подойдя к двум товарищам на "дорожках", бодибилдер также учтиво кивнул, но без малейшего намека на радость и веселость.

На лице Ивана, уже подуставшего от легкого бега, появилась гримаска – нечто среднее между легким удовлетворением от физического напряжения и недоумением. Михаил Манцуров, конечно может не обращать внимание на фитоняшек, которых видит уже не первый год, и на новичков, которые выглядят комично, выполняя упражнения с неподходящими для своей силы весами. Но кроме беззаботности было в лице бодибилдера нарочитая серьезность, которая смешала не только завсегдатаев-любителей, но и привыкших к нему коллег и даже тренеров.

– Ты в курсе, они будут бороться в "Паддинге"? – почти шепотом сказал другу Яков.

– Прямо бороться?

– Ну, Конь уже четырежды мистер Паддинг, а этот – ни разу. А считает себя великим билдером, ха-ха.

– А чего ж он так считает?

– Да просто знаешь, есть такая психическая хворь – графомания. У него, знаешь, кликуха в своем кругу – Мишка-фишка.

– Да ты че, – Иван невольно остановился. С неподдельным изумлением поглядел на друга: – Даже кликуху элитного профи знаешь? Откедова, дружок?

– А я в гардеробе приснул нечаянно. Проснулся поздним вечером. Тут такая кухня была. Саныч... Знаешь, старпер, который персонально тренирует?.. Называл раз десять Мишку фишкой. Это я спал, не слышал – может, он его еще как называл. Я, вообще, наверно, много чего не услышал. А еще знаешь, что? – Яков остановил тренажер, огляделся по сторонам. Шепотом продолжил: – Аскольд сидит с пятнадцати годков на "колесах". Это я те отвечаю! Это не Саныч, это Гуманоид сказал. Он сюда иногда заходит. Мне реально свезло. Только опорожниться хотелось. Приперло в самый вот такой момент. А выйти нельзя было... Че ты похохатываешь?!

– Ну да, еще че доброго, грохнут. – С усмешкой ответил Иван, разгоняя тренажер.

– А почему нет, Ванек! – друг, нервно дернул плечами, почти перешел на крик. – Почему нет?! Это ведь за семью печатями. Ты их послушай – они ведь все потребляют минимум, да и то, только медицинскую фарму! Смешно?! А ты

иди, спроси у Мишки-фишки! Или у Аскольда! Иди!

– Да пусть они хоть навоз потребляют, – усмехнулся Иван, слезая с беговой дорожки. – Мне-то что. Я не буду ни колоть, ни жрать, ни тягать железо как они. Я не билдер. А ты прав...

– Да, я реально слышал. Они полчаса кумекали. Прямо в зале.

– Да нет, – Иван усмехнулся, щелкнул ребром ладони по макушке друга. – Ты прав в том, что лучше быть в дерьме, чем мертвым.

– Ну, это смотря в каком, – Яков, похохатывая, тоже слез с тренажера. – Если в своем – физиологическом, так это ладно. А вот если в своем – моральном, так уж лучше хай застрелят. Ладно, постебались – пойдем, бицулю качнем.

4

– Чего метуся, сынку? – Николай Петрович взъерошил чижик Артема, который сидел за ноутбуком и напряженно стучал по клавишам. – Позвони своему Вовчику... А, у тебя же поломан телефончик. Купи себе новый, сынку.

– Уже заказал.

– А чего рвешь-мечешь?

– Да вот не отвечает, баклан!

– Набери с моего.

– Папандос, ну ты как скажешь чё, – Артем еле сдержался, чтобы не перейти на крик. – Я что, наизусть номера помню!

– Номера друзей – должен помнить! – с вкрадчивой

усмешкой возразил отец, присаживаясь на диван рядом с сыном.

– Должен-должен, – тихо пробурчал тинэйджер, раздраженно щелкая пальцами по монитору. – Ничего я им не должен.

– Это ты себе должен, сынку. Себе!

– Папандос, ты уже две пятерочки поймал. У тебя поколение динозавров – поколение боязливой культуры!

– Чего-чего? – пырснул смехом Николай Петрович, удерживая за руку вскочившего сына. – Какое-какое поколение?

– Ну, вы кланялись друг перед другом. А так нельзя... Ладно, без обид, Петрович... Не, ну пусть, мне надо в думающий кабинетик!

– погоди. – Отец усадил сына рядом, проникновенно посмотрел в глаза: – Ты так считаешь? Правда, считаешь, что мы друг перед другом выстигались?

– Ну, как-то так...

– Как-то так, – Николай Петрович усмехнулся, глядя как горделивая мина сына мгновенно сменилась виноватой улыбкой. – А как так можно было дела делать? Ведь надо и якшаться, и в то же время друг от дружки не зависеть...

– Ну, так и работали. Как говорится, дружба дружбой, а табачок врозь.

– Так-так, – после тяжелой заминки глухо буркнул отец. – Значит, мы просто лебезили друг перед дружкой. А всамделишно не дружили. Так?

Сын неопределенно пожал плечами.

– Выходит, так. Ты с Вовиком так же сябруешь?

– Чего-чего?

– Дружишь также со своими друзьями?

– С друзьями – может и как-то так. Но вот с Вовиком реально крепко дружим. Ну, а номер не помню – потому что, ты ж знаешь, я плохо запоминаю... – Артем повернул голову в сторону булькнувшего ноутбука. – О, погоди, папандос, он ответил.

Прочитав сообщение, тинэйджер повернулся лицом к отцу, который почему-то глубоко задумался. Легонько толкнул Николая Петровича в плечо: – Петрович, напомни-как свой номер телефона. Я ему напишу, чтоб на твой звякнул.

Продиктовав номер, отец вышел на балкон. Открыл окно. Поежившись от приятного весеннего ветерка, закурил сигарету. Сделав пару затяжек, ушел в комнату.

– Ну, ты скоро? Я уже два часа с ней сижу как олень!

Услышав слова Вована, доносившиеся из смартфона, Николай Петрович улыбнулся уголками рта. Тяжело опустился в кресло.

– А ты не сиди как олень. – По-деловому возразил Артем. – Сиди нормально.

– Не получается!

– Чего так?

– Да она какая-то фригоза.

– Так ты ж ее не крути. Ты просто общайся... Чего мол-

чишь? А, понял. Тоже не получается. Ха-ха!

– И дамы для вас ничегошеньки не стоят... – шепотом промолвил отец, резко вставая с кресла.

Бросив недовольный взгляд на сына, Петрович снова вышел на балкон. Закурил потушенную сигарету. Прикрыл дверь балкона, оставив маленьку щелку – чтобы слышать, когда сын закончит разговаривать, но не слышать, что именно он говорит.

Артемке уже двадцать один. Взрослый молодой мужчина. Молодой. И уже взрослый. Всё впереди. А он всё еще вьюнош. Надменный, ни о чем серьезно не задумывающийся вьюнош!

Резко воткнув сигарету в наполненную окурками пепельницу, Николай Петрович вернулся в комнату. Подвинул кресло к диванчику, на котором играл в компьютерную игру сын. Усевшись в кресле, шумно положил ладони на подлокотники – чтобы отвлечь Артема от игры. С беспечной улыбкой сказал: – Это вот так вы и с дамами говорите – крутите!

– Это он. Я ему говорю: сначала про погоду, про жите-бытие. Или про качалку хоть. А он – сразу в койку... Тупак, да?

– И это – твой лучший сябр?

– Кто-кто? – поставив игру на паузу, сын скорчил надменно-недовольную гримасу. – Колька-Петькин-сын, ты чё на бульбашинском языке всё трещишь?

– Каком-каком?! – с неожиданной резкостью пробасил

отец. – На бульбашинском?! Ты, сын, кажется, будущий экономист?

– Так точно, – не сразу ответил подавленный Артем. – Экономист. Помочь, отец?

– В чем ты поможешь? – отец привычно усмехнулся, но сразу же стал снова крайне серьезным. – Ты наших реальных товарищей считаешь бульбашами! А у них, кстати, товарищ экономист, заводы и колхозы падают будь здоров! Не сравнить с нашей продвинутой Рашей!

– Ну да. Мовет страна. Петрович, ты не в настрое сегодня? Мовет, пивни чего-нибудь? – сын вскочил с дивана, сделал шаг в сторону бара. – Принести?

– Мовет страна, говоришь? – тяжелым полушепотом переспросил Николай Петрович, глядя куда-то мимо сына.

Артем, мгновенно убрав с лица улыбку, медленно сел на место.

Почему такой тяжелый вопрос? И почему – ему? Сыну! Студенту-второкурснику! Хочет ввести в свои дела с бульбашами?.. Почему же так мучает, прямо не скажет? Хочет просто подавить? Ну, что ж, Петрович... Давай, попробуй!

– Ага, папандос. Ты прав. Страна колхозников – мовет. Вот и колхозы держатся, и заводы.

Отец повернул голову, словно от резкого легкого удара. Посидел недолго в раздумье. Затем встал с кресла и неспешно направился к бару.

– Вот, правильно, – тинэйджер, глядя как отец вынимает

из бара бутылку виски, расплылся в широкой улыбке. – И два фужерчика достань, Петрович.

Петрович, будто послушный бармен, достал два фужера. Наполнил их до половины. Один подал сыну. Другой сразу же осушил залпом.

– Эй! А чокаться!?

– Не буду с тобой чокаться, – с деланным укором ответил уже подобревший отец. – Ничегошеньки ты не понимаешь.

– Чего это! Я нормально учусь. У меня по экономике пятак на горизонте... Ай, ну скажи-скажи: да-да, еще только на горизонте! Нет? Не скажешь?

– Скажу. Экономист ты, может, и хороший...

– Не "может", а реально хороший. Папиан, давай-ка за это выпьем?

– Хорошо, – согласился Петрович, наполняя фужер. – Хороший экономист. Но ты, ежкин ты кот, должен быть хорошим социологом!.. Что? Ни разу не слышал такого слова? Или оно – только для бульбашей?

– Да нет, слово слышал...

– Ну а чего тушуешься? – отец пстрикнул крайне озадаченного сына по макушке. – А, ты не учишься на социолога? Так?

– Ну, да...

– Так вот имей в виду, сынку, на социолога учиться надо в обществе. В делах. В работе. Ну и самообразование, конечно. Вы ведь проходите в универе психологию, социологию,

диалектику?

– Проходим. – Не сразу ответил Темка, нерешительно поигрывая наполненным фужером. – Буду, значит, проходить от и до. Договорились. Ну, всё? Сделка заключена?

– Не "сделка", а "за общую заинтересованность". – Отец встал, торжественно поднял фужер. – Или не интересно?

– Да нет, всё норм. Интересно.

– Тогда вставай. Чокаться будем.

Подождав, пока нервно улыбающийся сын поднимется и вялой рукой протянет фужер, Петрович многозначительно повторил: – За общую заинтересованность!

Старый бизнесмен и юный экономист звонко соприкоснулись фужерами. Петрович снова залпом осушил сосуд. Взял из бара "каракатицу" с конфетами. Вкинув в рот конфету, опустил в кресло. Со смехом наблюдая, как сын с трудом опорожняет свой сосуд, повернул к себе открытый ноутбук.

– Сынку, это что за мадам из Персии?

– Это Вован, – со смехом ответил Артем, глядя в монитор. – Ну, это, в смысле, его левак. Ну, фейк... Папан, ты че, слово "фейк" не знаешь?

– Знаю. А на фига, сынок?

– Ну, он с Асколей якшается. С моей помощью, конечно же.

– А на фига, сынок?

– Ну, не говорите, Николай Петрович. – Артем, уже немного повеселев от виски, откусил половину конфетки.

Походил по комнате, жестикулируя и подбирая нужные слова. – Вот мы, благодаря этой мадам Эржебет, узнали, как Аскольд себя чувствует после тренировки. Нам трещит: "У-ух, как же я, мать твою, устал!" А сам летит на крыльях любви к Эржебет... Его прямо жалко стало – что лететь было не к кому... У нее ведь как-раз тогда были гости из Калмыкии... Ха-ха.

– Ну и на фига, сынку?

– Да просто поржать. Великий атлет. Великий практик и теоретик. В зале корчит из себя трудоголика, падающего в обморок от нагрузки. Говорит: "Теперь отдых, отдых, правильная пища, проточная водичка" А сам...

– А вы вроде как его видели в клубешниках?

– Так он говорит, что просто по делам заходит. А если до поздна – так это в межсезонье, или просто терки потереть. А шалавы – так, для проформы. Не одному же в притоне появляться. А ты, дорогой отец, вижу, не в теме вообще?

– Да уж. Не в теме. Не понимаю, почему Валек так поступил.

– Кстати, а чего Валек – Гуманоид?

– Гуманоид. – Тихо повторил Николай Петрович. – Правда, стал Гуманоидом. А был раньше – Гуман. Гуманный начальник. – поблуждав глазами по комнате, отец отодвинул наполненный фужер. С тяжелым сочувствием повторил: – Гуманный начальник. Крайне гуманный. Когда стал фитбизом – стал Гуманоидом... Может заслужил, а может просто

игра слов.

– А я знаю, чего он стал фитбизом, – сын поднял наполненный фужер. – Потому что это – более прибыльно. Более практично. Так? Давай, Петрович, очередной тост – за взаимопонимание бизнес-политики...

– Нет, – отец вяло высвободил руку из хватки слегка захламевшего сына. – А фитнес-бизнесменом стал он потому, что впадлу ему быть учредом. Там надо, понимаешь, в наше время, подымать предприятия – а это терпеливость, работа со спецами. И доход не гарантированный. Вернее, большой доход, но не всегда гарантированный. А ему нужна хорошая маржа, быстрая окупаемость, вливания, посиделочки. Вот и перестал быть Гуманом. Стал реально Гуманоидом.

– Да, – согласился сын. – Гуманоидом. Реально. Даже фэйс у него некий искусственный. Слушай, отец, а правда, что он Аскольда из нищеты вытянул?.. Нет, ну, почти из нищеты...

– Правда. Ведь заводы славятся работягами... Да-да, сынку. Как ни крути, если на заводе ударник труда – там даже политика немного по-другому работает.

– А если этот ударник – сексоголик и пивоголик?

– А, не важно. Стаханов был еще похлеще соцолигофрен.

– Соц. Олиго. Френ...

– Да. Это когда вроде человек человечный, но общим поведением – обезьяна необузданная. Не будешь таким?

– Нет. Торжественно клянусь. – сын вскочил, отдал честь. Поднял фужер: – Ну, давай – за честь и чтобы было всё без

соц...

– Без соцолигофрениии, – поддержал Артема Николай Петрович, вставая с фужером. – Я буду бдить, сынок!

5

Увидев Саныча, вошедшего в тренажерный зал, худощавая девушка, внешне похожая на китайянку, замедлила ход орбитрека, украдкой шепнула подруге на соседнем эллипсоиде: – Тренер динозавров пожаловал.

– Точно, – согласилась фитоняшка. – В прямом и переносном смысле.

Долговязый парень, услышав шепот фитоняшек, оставил блочный тренажер. Подошел к девушкам на эллипсоидах: – Говорите, в прямом и переносном смысле? Это как, Иришка?

– Это не ко мне, – ответила "китайянка". – Это к Маришечке.

– Ну, так. Тренирует больших и древних. Ты, Глебушка, попроси – может, и тебе поможет. Или, думаешь, тебе уже ничего не поможет?

Глебушка хотел ответить, но боковым зрением заметил ехидную гримасу Иришки. Направился к блоку. Тут же за спиной услышал вкрадчиво-веселый голос Иришки: – Глебушка, мы не хотели тебя обидеть.

– А я на тебя и не обижаюсь, – холодно бросил Глеб, не оглядываясь. Про себя добавил: "Суперхвитоняшка!"

Его раздражала Ирина. Сама уже который год ходит не пойми зачем – не мускулеет, не худеет. Хотя, куда ей худеть – при росте сто семьдесят с небольшим, наверное, не весит и полцентнера. А все кого-то поддевает. Пышек – за то, что запустили себя, тощих парней – за то, что не решаются начать потреблять стероиды. Даже вот над настоящим специалистом подтрунивает. Слава богу, хоть шепотом и незаметно.

Подождав, пока парень выполнит подход и отойдет от блочного тренажера, тренер похлопал его по плечу. Глеба это приятно удивило. Тренер профессионалов крайне редко показывается, когда тренируется толпа. И заходит только ради того, чтобы слегка потренироваться. Почему-то Глеб считал, что общение с простыми завсегдатаями тренажерки – прерогатива инструкторов, , но никак не учредителей, и уже точно не элитного тренера. Именно потому он и не решился подойти к Санычу за советом насчет тренинга.

– Ну, как дела, бодибилдер?

– Да так, ничё, – без особого энтузиазма промычал Глеб.

– Сколько повторений бомбанул?

– Двенадцать. – В этот раз парень ответил не сразу. Его озадачило то, что элитный тренер вроде как не просто задает праздные вопросы, а серьезно решил заняться им. – Я трицепс пирамидкой бомблю. Нормально ведь?

– Нормально. – Саныч одобрительно улыбнулся парню. – Ты пока рученки-то отложил бы.

– Не понял...

– Сколько вешишь?

– Семьдесят один.

– Ну вот. Семьдесят один – а росту два метра.

– Да ну, какой там два. Полголовы не хватает до двух метров.

– Ну, все равно, недовес присутствует.

– Ну, да.

– Ну вот и оставь пока рученьки в покое. Присед сколько у тебя?.. – тренер по-детски расхохотался, глядя на растяренную мину Глеба: – Ага-ага, что за зверь такой – присед, правда? Ну, правда?

– Ну, как-то так. Я в гакке приседаю...

– Иногда!..

– Ну, да.

– Вот, надо присесть не в гакке. Ноги у тебя длинные. Присесть неудобно. Но надо. Пока сто двадцать килограмм пятнадцать раз не присядешь и столько же пять раз лежа не жиманешь, ручонки не трогай. Давно ходишь?

– Два года и чуть-чуть.

– Вот начнешь со следующей тренировки присесть серьезно – и за два года вырастишь и силушку богатырскую, и мускулатуры добавишь.

– Прямо богатырскую?

– Ну, да. – Саныч неожиданно стал крайне серьезным, убрал блуждающую усмешку с лица. Очевидно, ждал даль-

нейших ужимок. Сейчас скажет: "Прямо как ваши профи... Стероидные монстры!"

– Поможете? Ведь это надо грамотно тренировать – сегодня как-то больше, завтра как-то поменьше... А ваши профи мне не подскажут.

– Подскажут. Просто работать с тобой не будут. У них, сам понимаешь, своих забот хватает.

– Подскажут? – переспросил Глеб, еле сдерживая надменную усмешку. – Один уже подсказал – вот, бомбить пирамидкой бицулю, трицепсулю. Уже три месяца тренирую – и всё те же тридцать три сэма!

– Ну, сам знаешь, в семье ни без урода. Везде хватает баранов, даже в педагогике и в медицине.

– Да-да. Не говоря уже про тренажерку. Вон, – парень пренебрежительно махнул в сторону Иришки, которая жестикулировала, что-то разъясняя Маришке, усевшейся в гребной тренажер. – Супер специалист Ирина Манукада.

– Она здесь для светского фона, – угрюмо отмахнулся тренер. – Считается успешной светской дамой. Бизнес – успешный. Да и из ток-шоу не вылезает. А качалка у нас, сам понимаешь, коммерческая. Чем больше такого фона – тем больше посетителей.

– Вот так? – юный атлет едва не перешел на изумленный крик. – Я думал, наоборот, здоровые заведения брезгуют такими "манукадами". Или, можно подумать, никто не знает, почему у нее все такое успешное! Или никто не слышит, что

говорится в этих ток-шоу! Там же "дом два" натуральный, только что зрителей больше и никто не дерется.

– Ладно. – Саныч с трепетом взял парня за руку. – Хватит о противном. Вечерами заходи в зал, где мои подопечные треният – и будем писать тебе тренировочку. Лады?

– Лады. Спасибо вам большое. – Глеб машинально протянул тренеру руку, но тут же одернул.

– Пожалуйста, – Саныч со смехом пожал парню руку, хлопнул по плечу. – Как звать тебя?

– Глеб.

– Ну, до встречи, Глеб. Пойду я. Удачи.

Глеб провожал Саныча взглядом, пока тот не удалился из зала. Потом созерцал взглядом богатыря, выполняющего приседы в силовой раме. Когда атлет закончил и стал стягивать блины с грифа, воодушевленный Глеб помог ему. Затем повесил на гриф по пятикилограммовому блину с каждой стороны. С остервенением начал присед.

Присед дался тяжело. Получилось пять повторений, из которых последнее было с большой погрешностью и кряхтением. Снимая блины с грифа, Глеб услышал за спиной шущуканье. Обернувшись, увидел Ирину, которая с жеманной гримаской что-то щебетала подружке.

– Что, поговорил с профи-треном? Поможет?

– Поможет, – Глеб невозмутимо пожал плечом. – А почему же нет. Я вообще, как он говорит, все по плану хреначу. Только надо подкорректировать кое-что.

– В питании? – продолжала злорадствовать Манукада. – Вместо борща с телятиной есть креатин с гормоном роста?

– Креатин с гормоном роста, – ухмыльнулся Глеб. – Это тебе бы не помешало. А то реально одни косточки. Ты потому и не замужем – костьмигремелок даже такие как я не любят.

– Ну-ну-ну! – Фитоняшка обиженно выпятила нижнюю губу. – Выбирай выражения, когда с дамой разговариваешь. Я ведь мясо не качаю.

– Ну да, – слышался низкий женский голос из-за спины Глеба.

Парень обернулся, увидел пышнотелую молодую женщину. Она была в легком спортивном костюме, и, судя по выражению лица и тяжелому дыханию, была не в духе и уже подуставшей.

Подружка Иришки по мере приближения этой агрессивной особы менялась в лице. А когда она приблизилась к ним, метнулась к первому попавшемуся тренажеру.

– Ты не качаешь мясо. – Спокойно, но с потаенной обидой выдохнула женщина в лицо Манукаде. – Ты его откачиваешь.

– И тебе бы тоже самое посоветовала.

– Вот только это ты и умеешь – советовать! – не унималась пышка. – А надо не советовать, а помогать делать.

– Чего же тебе никто не поможет?! – с холодной яростью парировала Иришка. – Неужели никому не нравится общать-

ся с...

– Иришка, – Глеб положил обе руки на плечи Манукаде, отвел ее в сторонку. – Чего ты так! Лояльнее надо быть. Ты в культурном заведении. И Любка тебя не так уж обижает.

– Вот, – резко оттолкнув парня, Ирина показала неа него пальцем: – Вот, только дитя освенцима тебя уважает! Сарделечка!

Любка, недолго думая, подошла к Манукаде, попутно оттолкнув Глеба, тщетно преграждающего ей дорогу. Взяв фитоняшку двумя пальцами за рукав топика, пробасила: – Слушай, ты-то на себя в зеркало смотрела?! Тебя разделать – как нехрен делать! Давай, не выводи меня, ладно?

– А это кто кого? – как можно тише, уже почти без злости буркнула Иришка, аккуратно убирая руку Любки. – Я тебя вообще не знаю и не трогаю.

– Ну вот не знай и не трогай. В твоих же интересах.

Подождав, пока пышка удалится и снова усядется на велоэргометр, Иришка ядовито усмехнулась Глебу: – Вот, вам нужно обменяться диетами, и всё у вас будет вау-вау.

– Че ты такая злая, Ириш? – парень с деланой нежностью взял фитоняшку за руку. – Я почти такой же тощий как и ты – и то вот, вишь какой добрый. Даже от пышки тебя защищаю.

– Спасибо! Я в следующий раз сама, можно?!

– Боюсь, в следующий раз язычок тебе не поможет... Она ведь рукопашкой занималась.

– Да-да, – за спиной Глеба снова появилась Любка. – Вы-

ведешь меня из себя – по стенке размажу. При всех! Хотя, что там размазывать – одни кости.

– А двоих? – крикнула подруга Манукады, слезая с тренажера.

– Двоих тоже, но не легко, – недолго подумав, ответила Любка. – У тебя вроде как не одни кости.

– А у Иришки...

– Да, – мягко перебила пышка. – Да, у нее одни кости. Мясо откачала, один суповой набор остался. Ой, нет-нет. Еще желчь. Да, желчи больше чем крови. Будет чего размазывать.

– Ирка, – подруга, нервничая и немного заикаясь, спешно подошла к Иришке, отвела ее в сторонку, на ушко прошептала: – Давай ее сейчас вдвоем отлупим?..

– Не надо. – Манукада ответила громко и с презрением, чтобы видела и слышала Любка.

– Не надо. Пожалуйста! – с притворной боязнью взмолилась пышка. – Ой, спасибо, суповой набор! А я уж стою-теряюсь!

Иришка с подругой агрессивно смотрели вслед Любке, пока та не подошла к стойке со штангой.

Глеб наблюдал за женщинами, стоя чуть поодаль, изредка оглядываясь на тренирующихся. Увидев, как в зал входит Вован, он побежал к нему на встречу. Обменявшись рукопожатием и теплым приветствием с коллегой, он рассказал ему о недавнем разговоре с Санычем. Затем спросил: – Вовчик,

а чё ты уже два месяца тренишь – а результата ноль?

– А ты? – мягко отчеканил Вовчик.

– Я и сам по себе, и не дезю. А ты – на курсе... Нет, ты только мне не тринди, что не так. Я ведь знаю, кто начинает заниматься с Аскольдом, тот обязательно подсаживается.

– Ну, Аскольд сказал мне сделать базу без "химии". Вот я и треню. Вообще, анаболики не так опасны, если грамотно дезить. А чтобы без анаболиков больше массы и силы сохранилось, надо больше набрать ее в натурашку. Это мне тоже Аскольд сказал. Так что ты с Санычем трень, пока позвоночник не рассыпется. Не пожалеешь. Или ты тоже собираешься соревноваться?

– Нет. Я для себя.

– Ну, раз для себя, тогда фигачь с Санычем, пока он те в ладошки не похлопает. Ладно, пойду я...

– Погоди-погоди, – Глеб дернул за руку Вована, который направился к пек-дек-тренажеру. – Ты смотри, – Украдкой кивнув в сторону подруги Манукады, друг Вована расплылся в широкой улыбке. – Не хочет тебя видеть. Убегает на тренажер.

– Да нет. Она просто серьезная. Позавчерась сидели с ней в "Бизе", так даже ни грамма не потребила. Даже, блин, поговорить цивилизно не получилось.

– А чего ты за ней вьешься, Вовик? Она ведь – тоже самое, что Манукада. Только что выглядит лучше и трещит меньше. У нее цели те же – быть топовой, везде сувать фэйс. Она даже

сюда в качалку за сто километров ездит – чтобы качаться в брендовой качалке. В качалке под "Паддингом"!

– Ну, мне Аскольд сказал: чтобы нравится дяде Палычу, надо быть лицом своего коллектива. А мужское лицо – это, в первую очередь, котирование у прекрасного пола... Дядя Палыч – это Валентин Павлович. Гуманоид.

– Это я понял, – без энтузиазма и не сразу ответил Глеб. – Ну, с этого и начинаются победы. Победа гендерная стимулирует к тренингу, к одержимости победы физической... Ну, как-то так, да?

6

Войдя в кабинет главного механика, Яков поздоровался, пожелал Василию Кузьмичу приятного аппетита. Кузьмич учтиво кивнул, положил в тарелку вилку с корнитоном, который собирался надкусить. Указал рабочему на стул рядом со столом.

Главный механик предпочитал обедать прямо за своим рабочим столом. Обед носил в дипломате, который, собственно, и носил ради обеда.

– Здравсьте еще раз, Кузьмич. – Присев на стул, Яков щелкнул по стакану с чаем: – Прямо как пиво, Кузьмич, а?

– Да. Как пиво. Хош, на, – механик подвинул слесарю коробку с пакетиками "липтона", – заваривай. Вареньеце будешь?

– Нет, Василий Кузьмич, благодарю. Как-то не хочется.

– Да, у вас там всё как надо быть – и вареньице, и чаек. Или у тебя режим – колеса, молоко, мясо, яйца? Чего лыбишься, ты вроде как качаться ходишь...

– Дык я ж и традиции не нарушаю. У нас вторник, четверг, суббота – тренья, а пятница – как положено, праздник.

– И после пьяной пятницы – тренья? Ты чё, самоубийца?

– Нет. У меня ведь и там, и там – по чуть-чутьочки. А тренья в субботу просто так, велосипедик, мешочек, потом поплаваю чуток. И все выходные так здоровски отдыхается. – Поняв по лицу Кузьмича, хрустящего огурцом, что тот его не особо слушает, Яков побегал глазами по углам кабинета, суетливо потер ладони. – Ладно, Кузьмич, еще раз те приятно есткы, я апасля зайду.

– Нет, нет, Яшка. погоди. Чайку все ж себе налей... Разговор у нас серьезный и долгий.

– Во как! – Суетливый слесарь чуть не подпрыгнул на стуле. – Я даже ума не приложу, дискуссия на какую тему?

– На тему... – Механик сурово прищурился, поднял руку с кусочком хлеба. – Спортивную!

– Кузьмич, дай-ка угадаю... Мы будем ходить в качалку, а нам за это будут платить... Нет?

– Холодно, Яшка. – Кузьмич усмехнулся, глядя как слесарь обернулся на дверь. – Да нет, не в кабинете. Не интуитивный ты ни хрена, Яков Ильич. И объявления на проходной не читаешь.

– Да я шучу, Кузьмич. Неужель я настолько идиот – что-

бы думать, что нам бугор будет платить за здоровые развлечения!

– Да ладно тебе, – механик неприятно поморщился, замалхал на слесаря руками: – Что вы все на бугра тычете! Спартакиада планируется.

– Ух ты, как в старые добрые времена.

– Вот, видишь, не такой и козел наш бугор, правда? – с довольной усмешкой Кузьмич откусил бутерброд, сделал глоток чая. – Будешь принимать активное участие?

– Смотря, в чем... Ну и, смотря, какая премия!..

– Премия. – Главный механик от негодования поперхнулся. Быстро откашлялся. Отвел руку слесаря, который уже собирался хлопнуть его по спине. – Вы в первую очередь, дорогой товарищ рабочий, должны быть коллективными... Нет?!

– Вообще-то, да, – не сразу ответил Яшка. А сам подумал: легко тебе, товарищ пенсионер, вот так рассуждать, получая зарплату, которая раза в полтора больше зарплаты рабочего, и которую ты не очень-то и заслуживаешь, и получая пенсию, которая тоже заметно больше той, что будет у меня – рабочего, который разбирается в своей работе куда получше тебя!

– Вообще-то, да, – с легкой издевкой передразнил Кузьмич, разрезая сардельку на кусочки. – Ну, так в чем вопрос тогда?

– Ну, хотелось бы, сам понимаешь, Кузьмич, стимула!..

– А че, стимул – бабло? Ты вот слесарь, можно сказать, от

бога, – за бабло, что-ли?

– В том и дело, товарищ механик, что слесарь я – по интересу. А участвовать, где нашему высокому начальству надо, надо за бабло. А все эти первые места, грамоты, душевнушающие похвалы – пусть он себе их засунет в...

– Ну-ну! – Главный механик жестким жестом прервал рабочего. – Ты убиваешь два зайца, когда участвуешь. Ты стимулируешь весь коллектив заниматься здоровым делом и ты же, елопень двуличный, помогаешь всем, кто организовывает спартакиаду...

– Зарабатывать вот это растреклятое бабло! Извините, товарищ механик, что нагло перебиваю! – Яков вскочил со стула, не глядя на механика, буркнул: Я не участвую!

У самого входа слесарь резко обернулся, холодно бросил недоумевающему шефу: – А елопень, Кузьмич, не может быть двуличным. Кстати!

7

– Ванго! К ноге!

Услышав властный крик хозяина, Вэйж Ванг встрепенулся, чуть не выронил ноутбук, который держал на коленях. Чуть ни бегом вышел из комнатки.

– Да, Аскольд... – Китаец с привычным благоговением сомкнул ладони перед лицом, сделал полуприсед.

– Сэнсэй, – бодибилдер с деланным сочувствием подошел к домработнику, положил ему руку на плечо, другой рукой

указал на Мишку Манцурова, сидящего в кресле с баночкой пива, который тщетно пытался подавить приступ смеха. – Гляди-ка, даже вот такому сверх-серьезному человеку с тебя ржать хочется. Че ты все время кланяешься?

– Я – обслуга. Это – мое приветствие. Уважение к хозяину.

– Ты у меня уже больше года, Ванго. Если бы ты меня не уважал, честное-пионерское, я бы тебя прогнал. Не из дома. Из страны на хрен бы выгнал.

Китаец бросил на Аскольда недобрый взгляд, но сразу же радушно улыбнулся, часто закивал: – Да, это вполне. Вполне. Влияние у вас есть.

– Вот здесь ты прав, – бодибилдер тепло обнял слугу, с прищуром посмотрел на Мишку: – Вот, видишь, даже Мишаэль не смеется. В общем, Сэнсэй, не в службу, а в дружбу, нам еще по такому же чайку и свои травяные лепешки сваргань, штучки по три. Блин, с ними так хорошо тортики идут, если бы ты знал, Ванго.

– Аскольд, тортики с лепешками, а еще много-много чая! – китаец тяжело покачал головой.

– Да, – с притворным сожалением промычал Аскольд. – Не к добру это. Верю, старина Сэнсэй, верю. Но я ведь сам тебя прошу. Верно?.. Верно. Ну, вот, стотовь, пожалуйста. Начиная с завтра умеряю аппетит. Бросаю коньяк... Чего лыбишься? Да, не на долго. Но бросаю. Честное-пионерское... Чего стоишь? Варгань, давай.

– Простите, Аскольд...

– Прощаю, Ванго, – не дав старику высказать, Аскольд взял его за плечи, развернул к выходу. – Прощаю все твои грехи, старче. Прошлые и будущие. Только вот если не будешь готовить, не прощу. Да иди ж ты, Сэнсэй...

Китаец без особого усилия выдержал толчок хозяина. Медленно повернулся к Аскольду.

– Вы не правильно планируете режим... – Вэйж Ванг виновато потупил взгляд. – Я должен вам сказать это. Простите...

– Сэнсэй, – атлет положил ладони на плечи слуги. Улыбнулся широкой улыбкой: – Прощаю, старик. Какие базары. Иди, варгань. Потом прочтешь нам с Мишаней лекцию о вреде ночных клубешников и... И чего там еще, Мишань?

– Да того самого! – Мишаня нервно скомкал пустую банку. Подошел к Аскольду и его слуге. – Ванго, как вас нормально звать-величать?

– Как вам удобно. Друзья моего хозяина – мои друзья. А мои друзья могут звать меня хоть обезьяной.

– Вот это нет, – слегка рассерженный Манцуров поднес к лицу китайца указательный палец. – Вы ни разу не обезьяна! Вы...

– Ну, ладно, ладно, Мишань. – Аскольд аккуратно оттолкнул друга. – Понимаешь, Ванго, это не ты, а я обезьяна – потому что хожу по кабакам, по бабам... Ой-ой-ой, вижу, ты того же мнения?!

– Нет, нет, Аскольд. Вы не обезьяна. Но так не надо.

– Вот, иди варгань, потом прочтешь нам... – поймав недобрый взгляд Михаила, Аскольд потупил взор, медленно выдохнул. – Ладно, не нам. Мне прочтешь лекцию о вреде баб, клубов, пива и так далее. А Мишок посидит рядом, послушает. Окей?

– Это мой долг. – слуга снова сомкнул ладони. Аскольд помешал ему сделать полуприсед, снова развернул к выходу: – Быринько, Сэнсэй. Быринько!

Подождав, пока старик удалится, Манцуров резко обернулся к товарищу: – Аскольд, ты ведь в самом деле как дикарь. Это старик, доктор, верный слуга. Лебезит перед тобой. А ты ему тычешь своей властью, связями!

– Ты прав. Больше не буду. Ладно, давай еще по...

– Может быть, хватит алкоголя! – Михаил убрал с плеча руку Аскольда. – Или, хотя бы подожди, пока Сэнсэй тебе почитает лекцию?..

– Может и хватит, – не сразу, но очень охотно согласился атлет. – А тортика?

Михаил перевел взгляд на журнальный столик с начатой бутылкой коньяка, тумблерами и тарелками, с двумя кусочками торта в каждой. Тяжело покачал головой: – Бр-р, Аскольд! Лично я уже в ауте.

– Мне тоже надо завязывать, – после недолгого тяжкого раздумья ответил Кононов. – Вот я и с завтрашнего утра завязываю.

– Честное-пионерское?

– Да, Мишаня, честное-пионерское. Я если слово Ван-го даю, я исполняю. Я, знаешь, специально ему честное-пионерское даю – чтобы исполнять. – Подойдя к трюмо, бодибилдер стянул джемпер, оголив торс. Попозировав перед зеркалом, заключил: – Лишняячка вроде почти нет. Но все равно надо с легенькими углеводами завязывать. Ведь нездоровая пища. Да и режиму мешает.

На самом деле причина, побудившая Аскольда резко прекратить потребление сладостей крылась вовсе не в его истинном отношении к вредной пище, а в недавнем инциденте.

Аскольд сидел в ресторане, с аппетитом поедая пирожные и запивая их молочно-ванильным коктейлем. Когда с пирожными было почти покончено, в бар зашел пожилой джентльмен. Пройдя мимо столика с атлетом, он остановился, заторможенно обернулся. Он поглядел на Аскольда, который уже через силу уминал последнее пирожное, взглядом крайне строгого но справедливого начальника. Затем подошел поближе.

– Добрый день... Аскольд... простите, не знаю, как вас по отчеству...

– Зато знаете, как по фамилии, – Аскольд, еле сдерживая отрыжку, небрежно усмехнулся. – Присаживайтесь, гостем будете.

– Спасибо. – Джентльмен, крайне удивленный дружелюб-

ностью атлета, присел рядом. – Вы, конечно, извините, Аскольд...

– Просто Аскольд. Без отчества. Извиняю. Только вот, позвольте... За что?

– А вы с юмором, Аскольд. Ценю. – Мужчина со смехом поднял большой палец. – Только, вот, знаете... Как бы вам сказать?

– Попроще. Если можно.

– Вот неудобно – так сразу, и попроще...

Аскольд замер на месте. Звучно отрыгнул. Развязными жестами попросил, как ему самому показалось, прощения. Сдержал очередной позыв отрыжки. Резко выдохнул.

– Деловой разговор?

– Пожалуй, да...

– Ну так это можно присесть вон за тот столик. – Атлет указал на пустующий столик в самом углу ресторана. Собрался встать из-за стола. Но джентльмен жестами попросил его остаться на месте.

– Нет, Аскольд. Не на столько деловой разговор... Понимаете, вы кумир моего мальчика...

– О, как. – Аскольд, сдерживая порыв смеха и позыв к отрыжке, старался выглядеть как можно серьезнее. – У меня, знаете, киндеров своих нет. Но я их обожаю. Я всем племянникам покупаю игрушки, вожу их на курорты. Или просто деньги своим братьям-сестрам даю на курорты, чтобы они своих дурынд возили... Да нет, вы так строго-то не судите.

У меня "дурында" – это самое любовно-ласкательное слово.

– Да нет. – джентльмен казался неким сосредоточенным и в тоже время ушедшим в себя. Он выразительно смотрел на собеседника, но сомкнутые руки неопределенно поигрывали на коленях, а на лице блуждала вялая, будто виноватая, или просто несмелая улыбка. – Вовсе нет. У меня тоже для связки слов такие любовные эпитеты, молодежь за голову хватается. Дело в том, что вы – кумир моего мальчика. – Потупив взгляд, мужчина резко дернул плечами, сомкнул губы, указал на бодибилдера пальцем: – И вы – кумир моего мальчика – вот так зверски уминаете тортики!

– А мальчику сколько? – недолго подумав, спросил Аскольд, с трудом перебарывая желание перейти на снисходительный тон.

– Шестнадцать. Поздний ребенок. Но, благодаря мне – позднему и более-менее разумному отцу – знает, что атлет – это пример благородства, характера, конечно же силы, мужества. Ну и, сами знаете, здорового образа жизни!

– Товарищ, как вас-то звать-величать?

– Вячеслав Григорьевич. Но можно просто Вячеслав. – Старый джентльмен помолчал. Затем нервно шлепнул себя по колену: – А вообще, зачем я представился... Мы ведь больше не увидимся!

Аскольд развел руками. Хотел сказать нечто успокоительно-компромиссное, вроде "ну, кто его знает, земля круглая..." Но Вячеслав Григорьевич резко вышел из-за стола.

Даже не глядя на атлета, двинулся к официанту. Сделав заказ, уселся за тот самый столик, на который ранее указал Аскольд, и сосредоточенно переводил взгляд с "плазмы" на меню, пока бодибилдер не сообразил, что старый джентльмен его таким образом открыто игнорирует, и не удалился.

Аскольд пересказал Михаилу в подробностях этот инцидент недельной давности. Манцуров слушал сосредоточенно. Только в самом конце усмехнулся в усы. Сказал: – Да. С одной стороны, это хорошо – что сейчас нас, бодибилдеров считают не только потребителями анаболиков и бездумными качками, но еще и примером мужества, силы, и даже, надо же, прототипом крайне здорового человека! Но с другой стороны, он и не хочет знать того, что после поджарочного цикла нам нужно много-премного углеводов и сахаров.

– Но с той же стороны, это и хорошо, – заключил Аскольд, надкусывая кусочек торта. – Потому что если они будут знать, что надо жрать торты вот так как я, что надо терять энергию, когда сушишься, тогда хрена с два они приведут своих продвинутых деток в качалку. Так что пусть не читают и не знают всех этих хирургических подробностей. А я с пирожными завяжу. Не буду подавать дурной пример.

– Будешь есть невкусную аптечную глюкозу? Как я?

– Придется, чё делать. И ты, Мишок, давай тоже со своими премудростями завязывай... Чего ты косишься? Да-да! Завязывай! Сам видишь, отсыпаются от тебя потиху дети.

– Здравствуйте, Евгений Антонович. – Высоченный молодой человек, пригнувшись, вошел в дом.

– Добрый день, Аркадий. – Беликов с двусмысленной улыбкой пожал протянутую руку молодого человека. – Ты уж прости, потолки низковаты... Нет, Аркаша, я не выживаюсь, нет-нет. Правда, немного неудобно, когда гостям неудобно. Ты, хоть уже для меня подчиненный, а все равно товарищ. Ну, заходи, присаживайся.

– Благодарю, Евгений...

– Ладно, Арканойд, давай у меня дома хоть просто по-товарищески, а. Да и сколько тебе годиков?

– Скоро возраст Христа. – Гость повесил плащ на вешалку, сел за стол.

– Ну, вот, всего десярик разница. Так что можешь панибратствовать. Но в коллективе, уж так и быть, со всеми учтивостями – на вы, по отчеству, с улыбочкой и шепотом.

– Даже так?

Беликов собирался выкинуть очередную плоскую шутку, но, увидев в окно сына, выезжающего на кабриолете из гаража, засуетился. Схватил смартфон, набрал номер. – Вованчик, сынок, я те не сказал, а ты вот сам и не додумался! К деду не надо ездить на машине... Да нет, ни пешком. Ты чё, первый раз что-ли?! На автобусе! Всё. Ни пуха, ни пера, Владимир Евгеньевич.

Бросив смартфон на подоконник, Евгений Антонович наполнил чашки кофе. Поставил на стол тарелку с блинами. Уселся напротив гостя.

– Сначала – по кофейку. Потом плавно переходим на виски. Как всегда, да?

– Как желает директор... Ай, забыл, Евген. Забыл. Да, как всегда. Уговорил.

– Во, забыл, у меня ж варенье есть. Тоже самодельное. Валька лично делала.

– Хорошо, когда жена всё делает. – Аркадий мечтательно улыбнулся, отхлебнул кофе.

– Всё-не-всё, но готовит вкусненько. На, – Беликов поставил на стол блюдце и баночку с вареньем. – Клади сколько хочешь. Чувствуй себя, вообще, как дома. А ты сам-то, Аркадий Ильич, когда женишься-то?

– Хороший вопрос. – Отстраненно проямлил Аркадий, нехотя размазывая варенье на блин.

– Вопрос риторически-безответный. Поговорим лучше о делишках. Я правильно понял?

– Разве директор может ошибаться...

Они говорили о делишках, пока не перешли на виски. После первой рюмки Беликов вспомнил, что блины не самая лучшая закуска к виски. Поставил на стол бутерброды с ветчиной, блюдце с нарезанным лимоном. Снова наполнил рюмки.

– Ну-с, теперь, если хотите, коллега, поздравьте меня с

законным повышением.

– Да, – Аркаша взял рюмку, встал. – Ты... Ой, нет. Вы, Евгений Антонович, остались средним бизнесменом, но... – Ощувив легкое опьянение, Аркадий покачал головой, резко выдохнул. – Но, зато, концепт-директор... Да-да. Вы держите концепт, Евгений Антоныч! Кафе, галантерея, шмоточный магаз, качалочка, сауна. В общем, все капризы для социально здорового человека. И вы, товарищ директор, директор вот этого концепта! С чем вас и поздравляю... Что-то не так?

Новоиспеченный директор изменился в лице, опустил руку с рюмкой, Нервно пожевал губами.

– И с этим ты меня и поздравляешь?

– Да. Что не так-то?

– Ну, в общем, все так. Следующий тост будет за то, что с вашей помощью я директорствую этой концепцией. Ты только сам не забудь, а то я забуду. Ну, давай, товарищ... Кстати, как твоя-то должность точно называется?

– Пусть будет менеджер.

– Чё, просто так – менеджер?

– Да, просто менеджер. – Аркадий меланхолично улыбнулся, дзынькнул рюмкой о рюмку в запотевшей руке хозяина. – Ну, за генерального директора концепта.

За второй рюмкой почти без промедления последовала третья. Аркадий пытался мягко протестовать, просил растянуть удовольствие.

– Нет, Аркадий, дружочек, извини! Такие взаимо-уважающие тосты должны быть без долгих пауз!

"Надо же, с одной стороны – хочет отблагодарить меня за свой успех, но с другой – хочет побыстрее забыть об этой самой помощи!" – только и успел подумать Аркаша, вставая из-за стола и принимая рюмку от директора. Чтобы не высказать эти мысли вслух, предложил после тоста:

– Товарищ директор, а может, по чаю? Промежуток сделаем между алкогольной процессией. Растянем удовольствие.

– Достал ты уже с этим растягиванием удовольствия, – беззлобно буркнул Евгений Антонович. – Да ладно, давай.

– Что вы там говорили, папаша у вас – пролетарий?

– Да. Пролетарий старой закалки. Видишь-ли, мой сынок, если ездит на машине папы – это значит, он балованный мажорчик! А ты, смотрю, прям разделяешь точку зрения пролетариев?

– Не сказать, что разделяю...

– Просто молча соглашаешься? Из солидарности?

– Понимаете, пролетарии, как и все фанаты, есть двух видов – потомственно-условные, и морально-социальные. Вот, первые, это, прошу прощения, такие как Антон... Как там по отчеству отца?

– Семеныч. Да ладно, ладно, Аркаш, я тебя понял. Но ведь он, когда дом купил, всех звал – поглядите, домина у меня. А купил его также с помощью – с помощью еще более-менее нормальной советской власти. В конце восьмидесятых это

было.

– Вот-вот, – Аркадий потряс указательным пальцем, уронив вилку с наколотым грибом. – Вот ты, Евгений Антоныч, тоже пролетариат... Частично... Ну, что, разве не так?

– Поясни, – еле сдерживая внезапную вспышку ярости, буркнул Беликов.

– Поясняю. Вот ты не ругаешь советскую власть – значит, ты наполовину морально-социальный пролетарий.

– Да просто если сравнить ее с началом девяностых, это вообще рай. А если трезво посмотреть – бюрократически-идиотическое государство. Сейчас, конечно, легко о девяностых говорить. А мне тогда ай-ай как хреново было. Я школу заканчивал. Надо было экзамены сдавать – красивые шмотки покупать. И мы деньги одолжали у всех, кого только знали. Одолжали бешеные бабки – чтобы мне цивильно одеться на экзамены! Ты, Арканойд, себе такое представляешь?

– Представляю. А знаете, кто Горби помог сделать весь этот дебилизм?.. Не пролетарии!

– Ладно, это я знаю. Просто человеку годков уже за семьдесят – а умишка как у канарейки. Ну, почему авто – это роскошь?! Это ведь средство передвижения. Парнишка ездит на машине в универ, в качалку. Качалка – это ведь тоже нормальное увлечение. Это, е-мое, бизнес нормальный. Правда ведь?

– Правда. Это еще и университет, дядя Женя... Прошу

прощения... Евгений...

– Да нет, нет, все нормалек. – Хозяин со смехом хлопнул нервно застывшего гостя по плечу: – Ты просто скажи, почему – универ.

– Ну, знаете, чтобы накачать... Нет-нет... Нарастить. Правильное слово здесь – "нарастить". Вот, чтобы нарастить заметную мышечную ткань, нужно учиться этому... Ну, понимаете, тренироваться – и учиться. Атлет, не потребляющий анаболические стероиды, первые полгода растёт. Первые пять кило у него – как с куста. Потом надо адски трудиться – и постоянно изучать. Изучать, изучать и изучать. Циклы, комплексы, упражнения, режим, – это всё не шутки. Это истории. Кстати, чего ваш сын не ходит в вашу качалку?

– Тренажерчиков там маловато. Ну это мы исправим. У меня уже отложено на другую качалочку. Размером с мой домик.

– Угу, только одноэтажную. А вот я, прошу прощения, товарищ директор, знаю, почему ваш Вовочка ходит не в вашу качалочку, а в качалочку Гуманоида...

– Это я тоже знаю. Потому что там профи. И особенно – потому что там великий-превеликий Аскольд Кононов.

– Вот. Вот это да. Потому что там – Кононов. И он тренируется под надзором Аскольда – чтобы уже заочно быть элитным. А там, глядишь, начнет тягаться с профи – и будет также халявно выигрывать...

– Также?! – Директор чуть не поперхнулся пищей. –

Также – как кто?

– Как великий-превеликий Аскольд.

– Откедова у тебя такие великие-превеликие познания?

– Работа такая. – Аркадий довольно улыбнулся. Допил чай. Потер руки, блуждая осоловелыми глазами по столу. – А давай, товарищ директор, просто за меня выпьем... Ну, по-товарищески: пили за вас – теперь за меня...

– Давай, – Наполнив рюмки, Беликов жестом остановил гостя, который собрался встать. – Пьем за тебя. Потом трещим серьезно о качалке!

– Ну, качалка – это, сам знаешь, Антоныч, дело техническое. Надо позвать более-менее спеца – чтобы помог грамотно ее обставить оборудованием. Или просто скопировать техно-концепцию самых лучших качалок. Вот, кстати...

– Кстати!.. – хозяин чуть не подскочил на стуле, потряс указательным пальцем. – О качалке Гуманоида и будем говорить! Чего стушевался?! У ты работа такая!

9

Сбросив штангу на стопоры, Глеб, шумно и тяжело дыша, отошел от стойки. Отдышавшись, беспокойно огляделся по сторонам. Его неприятно смущало, когда кто-то видел, как он еле-еле выполняет пять повторений со штангой, весом сорок килограмм.

С одной стороны, он – хардгейнер, и ничего смешного, что он начинает упражняться в самом солидном упражнении

с таким несолидным весом. Но, с другой стороны, подруга Иришки делает с таким же весом жим лежа, а Любка в приседе берет в два раза больше. А ведь это – женщины... Крайне неприятно будет, если они начнут подтрунивать. Любка вряд ли будет – она серьезная, не злобедная. Подруга "китайночки" также не начнет, если не начнет ее подруга. А Иришка не начнет – потому что сама вообще не работает со штангой. Серьезные атлеты не будут подтрунивать и подавно – они знают, что хардгейнер должен начинать с очень малого.

Увидев Вована, Глеб подошел к коллеге. Ребята машинально пожали руки.

– Приседаешь? – Вова кивнул в сторону штанги на стойке.

– Да нет, – замялся Глеб. – Дельтоиды бомблю.

– Приседаешь, я ж видел. Да ладно, чё ты, я тоже с таким же весом приседаю. Я ж тоже дрыщ. Сколько повторений бомбанул?

– Пять...

– Ты слегонца неправильно приседаешь. Надо...

– Нет-нет, глубоко надо присесть...

– Не перебивай. Надо делать по восемь-десять, и чтобы они были не отказные, подхода четыре-пять. И так доходить до...

– До хрен сколько кэгэ, и бомбить с ними до потери пульса один подход...

– Кто тебе такую муть сказал? Мишаня?

– Нет. Я просто позавчера сюда пришел вечерком – и ви-

дел такие приседы. Штанги ломаются. Сами билдеры...

– Тоже ломаются?..

– Не перебивай! – воодушевленный рассказом Глеб чуть не толкнул друга в плечо. – Сами билдеры – багровые, стонут, будто их жарят, потом стоят полусогнутые – будто им по хребту оглоблей долбанули.

– Ну, это...

– Не перебивай! Потом они делают, значит, жим ногами – тоже адски выкладываются. На них, честное слово, смотреть жалко. А потом – румынские тяги. В румынских тягах веса больше стольника – а они будто балдеют.

– И что за билдеры? Чьи?

– Вроде как Саныча...

– Саныча. – ухмыльнулся Вован. – Саныч тут сам – чей-то. Кого Гуман пошлет учить, того и ведет. А ты не спросил у него, зачем эта адская работа?

– Спросил. Говорит: тяжелый присед – безотказный прогресс. И главное – не часто.

– Что, приседать – раз в полгода?

– Да нет, крайне тяжело – не часто. Раз в цикл.

– Но, я вижу, ты не в айсе от общения с Санычем...

– Да нет, не в Саныче дело. Я перед приседом забегал в бытовку, увидел там одного из тех приседальщиков...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.